

МИХАЙЛОВ В. Д. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МИХАЙЛОВ Владимир Дмитриевич, родился в 1870. В 1892 — окончил юридический факультет Казанского университета, служил товарищем прокурора Окружного суда. С октября 1917 — в Окружном народном суде, с 1919 — делопроизводитель Приуральского Артиллерийского Управления РККА, следователь и член Совета полковых судей. С июля 1921 — после демобилизации служил юрисконсультантом на железной дороге в Вятке, с 1923 — в Окружном суде, с 1924 — в Госторге, с 1927 — в Центральном Управлении ТПО. 6 июня 1929 — арестован, 15 февраля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Архангельск. Служил в парходстве, на лесной бирже, в леспромхозе и Севстрое. 9 мая 1931 — с группой заключенных отправлен в Кергомыю (Коми), в августе переведен в село Усть-Кулом. В ноябре 1931 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<27 ноября 1931>

«Председательнице Общества Красного Креста
помощи политическим заключенным и
административно высланным — Е. П. Пешковой

Адм<инистративно> высланного
из г<орода> Вятки Михайлова
Владимира Дмитриевича,
им<еющий> жит<ительство>
в с<еле> Усть-Кулом Коми
области, Северного края

Заявление

В заседании своем от 28 ноября 1929 г<ода> Верховная Коллегия ОГПУ, заслушав дело по обвинению меня по 58-13 ст<атье> УК, определила признать меня "виновным в означенном преступлении и выслать в Северный Край на 5 лет".

Вменяемое мне в вину преступное деяние заключается в том, что я 7-го октября 1907 г<ода> (уже прошло несколько <сроков> давностей и амнистий), состоя в должности Товарища Прокурора Вятского окружного суда по Котельническому участку и проживая в то время в г<ороде> Вятке, — присутствовал по распоряжению своего непосредственного начальника — местного губернского Прокурора, в качестве представителя от прокурорского надзора, при приведении в исполнение приговора Казанского Военно-окружного суда над несколькими (2-мя или 4-мя, не помню) осужденными за ограбление почты революционерами, т<о> е<сть>, якобы, состоя при царском строе ответственным работником, активно боролся с Революцией.

Как уже объяснял я ранее при своем допросе, так подтверждаю и в настоящее время, что в действительности не только активным, но и вообще борцом против Революции я никогда не был, политических дел, как участковый Товарищ Прокурора Окружного суда (а не бывшей Судебной Палаты, прокуратура коей занималась политическими делами), я никогда не вел и не возбуждал, и революционеров ни в чем не преследовал и не притеснял, а в качестве представителя прокурорского надзора при исполнении приговора я лично присутствовал 7-го октября 1907 года лишь вследствие письменного предписания своего Прокурора, не исполнить какового я, как служащий, во всяком случае не мог, как приказание своего непосредственного начальника, не рискуя сам за отказ быть преданным суду, а затем и быть выгнанным за пределы губернии.

Кроме того, я должен отметить, что должность Товарища Прокурора Окружного суда ответственной и самостоятельной никогда не была, так как он работал всецело по указанию Губ<ернского> прокурора, не предпринимая самостоятельно по своей инициативе никаких действий по службе, что отчасти подтверждается и нашей Российской Конституцией, где указано, что лишаются избирательных прав Прокуроры бывших Окружных судов и Прокуроры и Товарищи Прокуроров Судебных палат. Лишь эти лица прокурорского надзора возбуждали и вели политические дела, а, следовательно, и могут в действительности считаться активными борцами против Революции, а не Товарищи Прокуроров Окружных судов.

Сам лично к революционерам того времени (1905-1907) я относился весьма сочувственно и гуманно, вследствие чего на меня даже был написан в 1906 году, во время службы моей Товарищем Прокурора по Яранскому участку, местным уездным исправником Вятскому Губ<ернскому> прокурору донос, за что и был сделан мне выговор с последующим затем лишением меня права заведовать местами заключения в г<ороде> Вятке, что обычно входило в круг обязанностей проживающего в г<ороде> Вятке Товарища Прокурора Котельнического участка. Прокурорская деятельность, вообще, мне была не по душе и не по характеру, а пошел я на должность Товарища Прокурора лишь для дальнейшего продвижения в члены Окружного суда и в прокурорском надзоре служил всего не более 5 лет, перейдя первоначально в уездные члены, а затем в рядовые члены Коллегии Окружного суда по гражданскому отделению.

За все 12 лет со дня Пролетарской Революции, начиная с 28 октября 1917 г<ода>, я все время находился на советской службе: служил секретарем Загса, затем членом Окружного Народного суда по выбору Съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; юрисконсультom Спичтреста; а после того почти в течение 3-х лет служил добровольцем вместе со своими детьми в Красной Армии, состоя в должностях: делопроизводителя Приуральского Окружного Артиллерийского Управления, военного следователя, а затем члена Совета полковых судей Приуральского Округа. По демобилизации в июле месяце 1921 г<ода>, в виду болезненного состояния, я уволился с военной службы и служил после того на Пермской железной дороге в г<ороде> Вятке, а затем в Вятских железнодорожных мастерских секретарем-счетоводом, откуда Вятским Губернским Исполкомом был мобилизован в местный Окружной суд, где и служил членом Совета народных судей. После этого состоял секретарем юридического бюро при Вятском Губ<ернском> прод<овольственном> ком<итете>, а с 9-го ноября 1924 г<ода> поступил на должность юрисконсульта и управ<ляющего> делами в Вятском отделении Госторга, где и состоял на службе около 4-х лет. В мае месяце 1927 г<ода>, в виду семейных обстоятельств, переехал с семьей в г<ород> Свердловск, где тотчас же и поступил первоначально на должность юрисконсульта и секретаря при местном Горжилсоюзе, а затем с 18-го сентября 1927 г<ода> перешел на должность юрисконсульта при Центральном Управлении ТПО Пермской железной дороги, где и служил до дня ареста — до 6-го июня 1929 г<ода>.

За время своей службы в гражданских учреждениях, а также и в Красной армии и на железной дороге я не подвергался никаким дисциплинарным взысканиям, а напротив, даже получал о своей работе одобрительные отзывы, некоторые из них приложены к делу. Независимо от служебной деятельности, я в то же время вел и общественную работу: около 3-х лет служу в Госторге, был Председателем ячейки, друг детей участвовал в качестве стенкора в стенных газетах, издаваемых при

Госторге и ТПО, с 1918 г<ода> состоял членом профсоюза до 1929 г<ода> и т<ому> п<одобное>.

После того, будучи выслан в Северный край и проживая с 15 февраля 1930 г<ода> до 15 мая 1931 г<ода> в г<ороде> Архангельске, я почти все время состоял на службе в различных учреждениях: в конторе в качестве статистика, на лесной бирже на станции Бакарица тарифным работником, а затем в Приморском леспромхозе и в Севстрое, в строительстве лесобиржи заводов А и А1, где работал в качестве статистика и где я достаточно зарекомендовал себя, как работник, но по неизвестной для меня причине распоряжению ОГПУ было постановлено с работы меня снять и отправить наряду с другими служащими и рабочими из г<орода> Архангельска, объявив мне, что отправляют меня в г<> Устюг, тогда как я и масса прочих адм<инистративно> высланных были отправлены 9 мая 1931 г<ода> на пароходе из г<орода> Архангельска в Коми область, в с Керчменью (Керчомью), где я, несмотря на все принимавшиеся с моей стороны меры, никакой конторской или канцелярской работы найти не мог. Здесь были исключительно физические работы: на сплав, на лесовырубку, на производство кирпича и т<ому> п<одобное>, куда меня и намеревались отправлять, а при моем отказе, в виду болезненного состояния и 62-х летнего возраста, я был дважды заключен под арест <...>¹

Я — человек с высшим образованием: в 1892 г<оду> окончил юридический факультет Казанского университета, а в 1918 г<оду> прошел счетно-бухгалтерские курсы, о чем и имею надлежащее свидетельство.

28 августа я распоряжением уполномоченного Усть-Куломского отделения ОГПЦ был переведен в с<ело> Усть-Кулом, где конторской работы было более, нежели в Керчменье и где я мог бы скорее устроиться на службу, но и здесь никакой подходящей для себя работы найти не могу, все вакансии заняты, а в некоторые учреждения не принимают вследствие особого приказа РКИ об адм<инистративно> ссыльных, напр<имер>, в конторе местного облкоопсоюза.

Из выданного мне в г<ороде> Архангельске личного удостоверения было видно, что выслан я в Северный Край на 3 года.

А потому, в виду изложенного и принимая во внимание: 1) мою двенадцатилетнюю беспорочную службу Советской Власти, причем, около 3-х лет я служил, поступив добровольцем, в Красной армии; 2) что с 1-го дня Революции 1917 г<ода> я все время находился на службе, работая на ответственных должностях, не считаясь с служебным временем и содействуя своим неустанным трудом укреплению и утверждению Советской Власти в СССР; 3) что за все время я никогда не вставал на защиту ни торговцев, ни кулачества, ни каких-либо других классовых врагов пролетариата; 4) что деяние мое, повлекшее за собою высылку в Северный Край, не было проявлением с моей стороны какой-либо личной моей ненависти к начинавшему в то время революционному движению, а являлось лишь исполнением служебных обязанностей должностного лица царского времени и свидетельствовало лишь о слабости моей воли, как не сумевшего категорически отказаться от исполнения приказания своего начальника, которому я не сочувствовал; 5) что время, проведенное мною в заключении и на этапах с 6-го июня 1929 г<ода> по 15 февраля 1930 г<ода> и в ссылке по сие число и составляют в общем 3 года 4 с лишним месяца, которые крайне тяжело отозвались на состоянии и ранее уже расшатанного по службе моего здоровья; 6) что понесенным мною наказанием вдали от родных и в самой суровой обстановке и в преклонных летах я уже достаточно наказан за свое деяние, совершенное

¹ Далее перечисляются все болезни.

в 1907 г<оду> и поставленное мне в вину лишь в 1929 г<оду>; — я убедительно прошу Вас, как Председательницу Общества Красного Креста помощи политическим заключенным и адм<инистративно> высланным, войти с ходатайством о сложении с меня дальнейшего отбытия наложенного на меня наказания и о возможности мне досрочно возвратиться из ссылки к моим родным, проживающим в настоящее время в г<ороде> Свердловске, у которых находится в данное время и моя жена, на что и надеюсь, в виду моей совершенно безупречной служебной деятельности с 1917 г<ода> по последнее время и в виду наступления 15-й годовщины Пролетарской Революции и на милостивое, в виду сего, отношение ко мне со стороны Верховной Власти СССР, чтобы получить на склоне дней своих спокойную достойную жизнь среди своих родных, простив мне мою вину, допущенную в 1907 году.

Если же удовлетворить означенное мое ходатайство будет признано в настоящее время невозможным, я убедительно прошу по ходатайствовать, о разрешении мне отбыть окончательный срок назначенной мне высылки или в г<ороде> Вологде, или в г<ороде> Архангельске.

Дело мое было отправлен из г<орода> Вятки в г<ород> Москву в ОГПУ через Нижний Новгород 12/VIII 1929 г<ода> за № 6876.

О последующем по моему ходатайству прошу не оставить меня своим ответом и соответствующим распоряжением через Усть-Куломский ОГПУ.

К сему и подписуюсь

В. Михайлов.

14 октября 1931 г<ода>»².

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 621. С. 169-172. Автограф.